

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК94(470.620)

О. В. КТИТОРОВА**ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – СЕРЕДИНА XIX ВВ.)¹**

В статье рассматриваются механизмы организации обучения представителей северокавказских народов, использовавшиеся российскими властями на первом этапе складывания образовательной системы в регионе (до середины XIX в.). Анализируются проекты развития образования детей из среды коренного населения Северного Кавказа. Раскрываются основные направления конструирования российской образовательной системы в регионе как важного фактора интеграции горского населения в общероссийское социокультурное пространство. Подчеркивается роль культурно-образовательной деятельности в зарождении феномена северокавказского просветительства.

Ключевые слова: образовательная система, аманатская школа, приходское училище, школа военных воспитанников, кадетский корпус, гимназия, горские просветители.

UDK 94(470.620)

O. V. KTITOROVA**THE FORMATION OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL SYSTEM
IN THE NORTH CAUCASUS (THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY –
THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY)**

The article discusses the mechanisms of the organization of training of representatives of North Caucasian peoples, used by the Russian authorities at the first stage of formation of the educational system in the region (until the mid-nineteenth century). The projects for the development of children's education from among the indigenous population of the North Caucasus are analyzed. The main directions of construction of the Russian educational system in the region, as an important factor of integration of the mountain population in the Russian socio-cultural space are revealed. The role of cultural and educational activities in the emergence of the phenomenon of the North Caucasian enlightenment is emphasized.

Keywords: educational system, amanat school, parochial school, military school students, cadet corps, gymnasium, mountain educators.

Актуальность статьи определяется необходимостью всестороннего анализа конструктивной стороны процесса интеграции северокавказского региона в состав России. Значимыми аспектами российской политики, направленной на осуществление преимущественно мирного пути вхождения северокавказских народов в состав российского социума, в первой половине XIX в. являлись инициативы в культурно-образовательной сфере.

Проблему утверждения в горской среде российской образовательной системы рассматривали следующие исследователи: М.А. Кошев, М.Ф. Титоренко, О.Г. Шкилева, Д.С. Ткаченко, Ю.Ю. Клычников, М.В. Клычникова, С.Б. Узденова, Е.С. Тютюнина, А.Я. Габеев, О.С. Пылков и др.

В русле определенного российской властью стратегического курса на присоединение Северного Кавказа к империи постепенно выстраивалась, обретая все большую стройность и последовательность, система мер по распространению среди местного населения грамотности. Естественно, ключевую роль в этом процессе должны были играть разнообразные образовательные учреждения.

Следует отметить, что центры просвещения северокавказских народов появлялись синхронно с процессом утверждения России в той или иной части региона, что свидетель-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Министерством образования и науки Краснодарского края научного проекта № 15-11-23008 «Формирование российской культурно-образовательной сферы в сообществе народов Северо-Западного Кавказа как фактор и результат интеграционного процесса XIX - начала XX вв.».

ствует о понимании имперскими властями значения фактора образования в успешности и результативности хода интеграции.

Первым российским образовательным учреждением для местного населения на Северном Кавказе стала учрежденная в 1765 г. при Моздокской крепости горская школа для принявших христианство «осетинских и ингушских и прочих горских народов детей» [1, ч. 1, с. 441–442], [2, с. 24]. Данный образовательный проект родился в русле деятельности Осетинской духовной комиссии (функционировала в регионе с 1743 г.). Задолго до появления школы у руководителя Осетинской духовной комиссии архимандрита Пахомия возникла идея создания образовательного центра. По данным дореволюционного историка М.В. Краснова, еще в 1749 г. при Комиссии велось обучение осетинских мальчиков, однако это осуществлялось без финансирования и организационного оформления, исходя из социальных реалий и запросов [3].

В Моздокской школе было заведено преподавание «русской грамоты» и изложение «закона христианского». Учреждение и управление школой, в том числе финансовое обеспечение учебного процесса, включая организацию таких бытовых моментов, как питание и одежда воспитанников, возлагались на кизлярского коменданта и астраханского губернатора [4, с. 32].

В первые годы преподавание велось на родном языке, однако задачи, которые ставились перед учебным заведением: чтобы из осетин «могли быть достойные к производству в духовные чины и к употреблению в должности переводческие», обусловили перевод обучения с 1767 г. на русский язык [3]. Моздокская школа поначалу сталкивалась с рядом трудностей как военно-политического, организационного, так и субъективного (личностного) характера. Уже в 1776 г. руководитель школы протопоп Лебедев сообщал астраханскому губернатору: «Ныне при обветшании и разрушении школьных покоев остались ученики без пристанища и скитаются по разным домам у поселившихся осетинцев и претерпевают крайнюю бедность и недостаток, не имея ни обуви, ни рубах, по причине отбираемого у них жалованья отцами их и родственниками во время их в Моздоке приездов, для чего не только по городу, но и в школу ходить не могут, к чему и отведена деревянная изба, в которой летом от течи, а зимой от угаров великое беспокойство и ученикам, и учителям причиняются» [4, с. 32]. Новое здание школы было построено в 1777 г. [1, ч. 3, с. 143]. В течение всего времени функционирования школы (до 1792 г.) в ней одновременно обучалось от 6 до 46 человек. В первые годы набрать учащихся было сложно: сказывалось отсутствие политической стабильности в регионе, что заставляло родителей беспокоиться о судьбе своих детей; определенное влияние оказывала неприязнь многих горцев к христианам (в частности, кабардинцы убеждали осетин не отдавать своих детей русским, так как назад они их не получают) [3].

После закрытия школы ее традиции и образовательные задачи стали реализовываться в рамках другого учебного заведения – Владикавказского духовного осетинского училища (1836 г.). Помимо священнослужителей, это образовательное учреждение готовило также этнографов, фольклористов и учителей [5, с. 248].

Наряду с крещеными горцами, прежде всего осетинами, в формирующуюся образовательную сферу России активно вовлекались аманаты – дети привилегированных сословий, которые отправлялись в российские крепости в знак гарантии соблюдения горскими владельцами мирных договоренностей.

В 1770 г. российские власти обозначили задачу обучения содержащихся в Кизляре кабардинских аманатов российской и татарской грамоте. Отдельные факты получения образования детьми-аманатами имели место и ранее, о чем свидетельствуют биографические данные ногойца Д.В. Тоганова, занимавшего в 1781–1798 гг. пост коменданта Моздокской крепости. Еще в детстве он был отдан своим дедом в аманаты Кизлярской крепости, впоследствии получил образование в кадетском корпусе и в итоге зачислен в российскую армию [6, с. 139–140].

В 1785 г. разрабатывался вопрос об открытии в центре Кавказской губернии – г. Екатеринограде двух школ: «для обучения детей в аманатах находящихся и других тамошних народов», а также «для обучения разным тамошним языкам, для службы необходимым»

[1, ч. 1, с. 268; ч. 2, с. 170]. Хотя эти намерения в конечном итоге не были воплощены, тем не менее само стремление российских властей к организации школ для аманатов свидетельствует, что подобные учебные заведения отвечали основному социальному запросу, сложившемуся в конце XVIII – начале XIX вв. на Северном Кавказе: просвещению тех представителей коренных этносов региона, которые в силу обстоятельств оказались вовлечены в сферу российской политики.

В 1788 г. с открытием в Екатеринограде приходского училища появилась возможность обучать в нем аманатов. Однако функционировала эта школа недолго. Сказалось отсутствие стабильной военно-политической ситуации, недостаток грамотных учителей, а главное – заинтересованности населения: «добровольно желающих... учиться было мало, пять-шесть мальчиков в год; туземцы относились к нему (училищу. – Авт.) враждебно...» [7, с. 129–128].

В начале XIX в. одним из важных очагов образования детей-аманатов становится Георгиевск, получивший в 1802 г. статус административного центра возрожденной Кавказской губернии. По приказу командующего войсками на Кавказской линии генерала-майора К.С. Сталя аманаты из осетин, содержащиеся в Георгиевске, должны были обучаться российской грамоте и «другим первоначальным наукам» [8, с.162]. Для реализации этого плана в апреле 1823 г. комендант крепости майор Глухов обратился к директору Кавказских училищ Манасеину с просьбой «принять для обучения в здешнее приходское училище упоминаемых аманатов» [9]. К прошению был приложен список из 7 мальчиков в возрасте 8–17 лет. К концу года в училище воспитывалось 8 аманатов в возрасте от 7 до 25 лет. Дети изучали арифметику, чтение, письмо, познакомились с основами христианской религии. Контроль успеваемости показал, что один ребенок (Кази-Гирей) учился хорошо, трое – удовлетворительно, четверо – неудовлетворительно.

По данным О.С. Пылкова, в первой половине XIX в. возникает несколько аманатских школ (в Прохладненской, Владикавказской и Нальчикской крепостях) [8, с. 162]. Так, Нальчикская школа была открыта в 1829 г. по инициативе северокавказского просветителя Ш.Б. Ногмова и при содействии командующего войсками Кавказской линии и Черномории Г.А. Емануеля. Кроме казенных учеников в школе обучались дети горских привилегированных сословий «за счет сумм, состоящих в распоряжении Его Императорского Высочества и наместника Кавказского, кабардинской общественной суммы и своекоштные пансионеры» [10, с. 27].

Школа просуществовала всего год, до отъезда в Петербург ее организатора и одновременно учителя Ш.Б. Ногмова. Несмотря на кратковременное существование, работа школы высоко оценивалась современниками. Так, известный венгерский путешественник Ж.-Ш. де Бесс, оказавшись проездом в Нальчикской крепости, познакомился с организацией обучения здесь детей. Среди прочего он заметил, что «...русское правительство распорядилось построить на государственные средства школу, где детей... обучают читать, писать и говорить по-русски... Правительство, устраивая эту школу, имело в виду весьма мудрый политический расчет. Дети местных жителей, меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей неприязни к русским, возвратятся к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам. Легкость, с которой учатся эти дети, необычайна, самый старший из них читал передо мной русскую книгу очень бегло и внятно, хотя пробыл в школе всего один год – срок, после которого родители забирают своих детей, чтобы прислать на их место других. На протяжении всего периода времени, что они находятся в Нальчикской школе, детей вполне прилично содержат, кормят и одевают по образу жизни в их стране. Они соблюдают под надзором их магометанского муллы предписанные Кораном посты, и русские далеки от мысли, чтобы обращать их в христианство...» [11]. В Нальчикской школе обучалось около двадцати детей 13–14 лет, принадлежавших «семьям карачаевских, кабардинских и осетинских старшин». Наряду с русским языком, ученики аманатской школы осваивали также турецкий [12, с. 40].

Образовательные инициативы в отношении содержащихся в российских крепостях горских аманатов озвучивались неоднократно, преимущественно военными чинами, часто из числа коренных жителей Кавказа. Одно из таких предложений, касавшихся аманатов Вла-

дикавказ, высказал в 1830 г. генерал-майор Абхазов в рапорте главнокомандующему войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичу: «Если аманаты будут получать некоторое образование и будут хорошо содержаны, то я не думаю, чтобы они, пробыв несколько лет в выгодном и приятном для них положении, согласились бы охотно возвратиться в свои семейства и снова привыкать к прежней дикой и неприятной жизни» [13, с. 357].

За категоричной терминологией, свойственной периоду покорения Северного Кавказа, проглядывает стремление задействовать культурно-образовательные механизмы вовлечения коренного населения региона в социокультурную систему России. Для реализации своих планов Абхазов предлагал брать в аманаты преимущественно малолетних, содержать их в российских центрах не год, как это было принято, а 5–6 лет, учредить во Владикавказе для них школу. До ее открытия российский офицер предложил аманатов, пожелавших изучать грамоту, отправить во Владикавказскую солдатскую школу [13, с. 357].

Российские власти на региональном и общеимперском уровне поддержали данную инициативу. Обсуждался даже вопрос о сосредоточении всех аманатов Кавказской области в Ставрополе, где для них будет открыто училище. Тем не менее эта инициатива на практике не была реализована. Можно согласиться с современными исследователями, полагающими, что причина неудач кроется в неэффективности самого механизма комплектования учеников из числа аманатов. Необходим был новый принцип добровольного привлечения горцев в учебные заведения [7, с. 133]. Еще в 1804 г. главнокомандующий войсками на Кавказе П.Д. Цицианов в рапорте императору перечисляя меры, необходимые к утверждению мирных основ существования в Кабарде, указывал на необходимость учреждения училищ в Екатеринограде и Георгиевске для обучения «российскому и татарскому языкам» княжеских и дворянских детей коренного населения региона. В дальнейшем освоивших курс училища, планировалось «под видом усовершенствования наук» направлять в кадетские корпуса. С подобной же инициативой в 1829 г. выступал бывший на российской службе кабардинский князь Ф.А. Бекович-Черкасский [14, с. 953], [13, с. 872].

В 1835 г. от императора Николая I поступило предписание командующему войсками Кавказской линии А.А. Вельяминову «отправлять в Санкт-Петербург не более 30 малолетних детей горцев для помещения в Санкт-Петербургские и Александровские кадетские корпуса, преимущественно из фамилий княжеских и особенно уважаемых узденских» [10, с. 27–28].

По сути дела, именно такой механизм образования детей привилегированных сословий народов Северного Кавказа был избран как приоритетный и функционировал в течение первой половины XIX в., пока не был принят устав о горских школах (1859 г.), определивший содержательные основы и организационные начала для учреждения сети школ (без акцента на сословные границы) в горских селениях региона.

До создания устава горских школ учебные заведения для детей народов Северного Кавказа были немногочисленны и организовывались в крупных центрах (преимущественно в городах). В 1846 г. в Новороссийске была открыта школа для детей знати из среды закубанских народов [15, с. 363]. Сюда принимались мальчики от 7 до 12 лет, которые осваивали основы мусульманской религии, арифметику, географию, чтение и письмо на турецком языке [16, с. 70]. По завершении курса воспитанники из числа привилегированных сословий могли продолжить обучение в столичных военно-учебных заведениях, кадетских корпусах. Кроме того, окончившие Новороссийскую школу, прежде всего из числа простых горцев, выразив желание, могли поступить на службу в российскую армию [17, с. 74, 76]. В 1841 г. Ш.Б. Ногмов предпринял попытку восстановления действовавшей прежде в Нальчике школы для детей местных жителей. Кабардинское училище в Нальчике было открыто в 1851 г. [18, с. 64]. Весьма показательны, что в школе планировались два отделения: для солдатских детей и для детей знати (по недостатку средств от первого отделения организаторы учебного заведения отказались). В 1860 г. училище было преобразовано в Нальчикскую окружную горскую школу [7, с. 146]. Довольно активно в масштабах Северного Кавказа осуществлялось формирование образовательной сети в первой половине XIX в. на территории Дагестана. В 1842 г. были открыты Петровское и Низовское училища, которые принимали детей лишь равнинных сел.

В 1849 г. начало функционировать мусульманское училище (на 60 мест в Дербенте), которое удовлетворяло потребности в образовании у народов горных районов (аварцев, даргинцев, табасаранцев и др.) [5, с. 247].

Ограниченность количества учрежденных специально для детей северокавказских народов школ компенсировалась возможностью получать знания в образовательных учреждениях, открывавшихся при военных частях, в казачьих училищах или в городских учебных заведениях.

Активная роль армии в формировании кавказской образовательной системы подчеркивалась историками неоднократно. В 1837 г. на татарском и армянском языках было рашировано постановление о «приеме в школы, учрежденные при войсках Отдельного Кавказского корпуса, на казенное воспитание сирот и детей недостаточных князей, дворян и других почетных сословий Кавказского края» [19, с. 292]. Инициатором данного проекта стал командир отдельного Кавказского корпуса барон Г.В. Розен, предложивший в 1836 г.: «изыскивая меры к вящему распространению между жителями Кавказского края понятий наших и русского языка и заботясь о доставлении и детям недостаточных почетных туземцев воспитания, которое между тем не было бы обременительно для казны» – обучать в военных школах за счет имеющихся в распоряжении командующего средств 864 горских детей, распределив их примерно по 10 человек на каждый батальон. Инициатива стала осуществляться практически сразу: с января по сентябрь 1837 г. в школы было зачислено 200 человек [20, с. 382].

В 1845 г. была учреждена полковая школа 17-го конного полка в ст. Баталпашинской, в которой обучалось 10 мальчиков из числа горцев [10, с. 28].

Военно-образовательные учреждения, возникавшие на Северном Кавказе, учитывали этнорегиональную специфику. Так, в 1848 г. во Владикавказе создается Навагинская школа военных воспитанников, в которой дети местного населения (30 мест) численно преобладали над русскими учениками (20 мест). Учебное заведение готовило военных, переводчиков, гражданских служащих. О престижности среди горцев Навагинской школы свидетельствует тот факт, что поступления в нее иногда приходилось дожидаться несколько лет. После ухода Навагинского полка из Владикавказа школа была причислена к Тенгинскому полку, а с 1861 г. преобразована в Горское окружное училище [8, с. 166].

В военно-образовательных учреждениях на Северном Кавказе могли обучаться не только привилегированные горцы, но и рядовые общинники. Образование отдельных представителей северокавказских народов могло осуществляться в ходе их службы в российской армии. Особое место в этом процессе занимал Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон в Петербурге. Поступавшие в него выходцы с Северного Кавказа обучались Грацилевским, который в конце 1820-х гг. разработал для этих целей адыгский алфавит [7, с. 143].

Еще одной сферой образовательной системы региона, где дети горского и кочевого населения Северного Кавказа получали образование, являлись школы в казачьих станицах. Так, для адыгов и ногайцев, проживавших в Черномории, были предусмотрены места в открывшемся в 1845 г. окружном училище ст. Полтавской Таманского округа Черноморского казачьего войска. До 10 мест выделялось для обучения детей адыгов и других кубанских народов в окружном училище ст. Уманской [21, с. 98, 102].

Ключевыми центрами образования на Северном Кавказе являлись города, где дети коренного населения региона могли освоить не только курс начальной, но и средней школы. Законодательным основанием учреждения в губернских центрах гимназий, а в уездных – училищ стал императорский указ 1803 г. [22, с. 131]. Начальные школы для горского населения, возникавшие в отдельных городских центрах (Новороссийске, Нальчике, Владикавказе, Дербенте), уже упоминались. Отдельно стоит указать на роль гимназий как центров просвещения северокавказских народов.

Открывшаяся в 1851 г. Екатеринодарская семиклассная гимназия с 1853 г. стала принимать в свои стены по 25 учеников из числа горских жителей (с 1857 г. эта квота была увеличена до 35 чел.) [23, с.109]. Примерно в это же время и в Ставропольской гимназии (открыта в 1837 г.) стали обучать детей северокавказских народов.

Показательно, что моральную поддержку обучающиеся в гимназии горские воспитанники получали от своих соотечественников, в свое время также приобретших знания в российских образовательных учреждениях. С особым уважением подобных горцев, «истинно понимающих благо просвещения для своей родины», в 1858 г. упоминал учитель словесности Ставропольской гимназии Ф.В. Юхотников [24].

С середины XIX в. наиболее отличившиеся в обучении дети привилегированных сословий северокавказских народов могли продолжать обучение в российских вузах [22, с. 137].

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы: в первой половине XIX в. отчетливо проявилось взаимное стремление как российской власти, так и наиболее социально активных представителей народов Северного Кавказа к расширению единого социокультурного поля в регионе, реализовывавшееся за счет образовательных инициатив, направленных на обучение детей северокавказских народов. Этот процесс, с одной стороны, способствовал зарождению образовательной системы на Северном Кавказе (хотя законодательное и структурное оформление учебных учреждений в регионе обрели лишь в середине XIX в.). С другой стороны, именно инициативы в сфере образования, изначально исходившие от российского чиновничества, военных и передовой общественности, а затем подхваченные прогрессивно мыслящими представителями северокавказских народов, оказали решающее значение в появлении широкого круга образованных, ориентированных на служение своему народу талантливых деятелей из числа коренных жителей.

Литература и источники

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869.
2. Кидирниязов Д.С. Роль Кизляра и Моздока в развитии экономических связей народов Северного Кавказа с Россией в XVIII в. // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 5. Пятигорск, 2006.
3. Дзанагова Л.В. История создания Осетинской духовной комиссии. URL: http://www.ivel875.narod.ru/texts/Other/Ist_os_duh_kom.htm. (Дата обращения: 19.08.2015).
4. Город Моздок: исторический очерк. Владикавказ, 1995.
5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.
6. Кавказ в сердце России. М., 2001.
7. Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006.
8. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011.
9. URL: <http://времяверить.рф/forums/index.php?/topic/529> (Дата обращения: 19.08.2015 г.).
10. Титоренко М.Ф., Шкилева О.Г. К вопросу развития образования у мусульман Северного Кавказа в XIX - начале XX в. // Голос минувшего. Краснодар, 2008. № 3–4.
11. Бесс Ж.Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг. // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Bess_Jean. (Дата обращения: 28.08.2015).
12. Клычников Ю.Ю. Адыгские просветители – носители идей российскости // Вопросы северокавказской истории (научный сборник). Вып. 10. Армавир, 2005.
13. Акты Кавказской археографической комиссии (далее АКАК). Т.7. Тифлис, 1878.
14. АКАК. Т.2. Тифлис, 1868.
15. Кавказский календарь на 1853 год. Тифлис, 1852.
16. Герасименко А., Санеев С. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998.
17. Пылков О.С. О подготовке горцев-военных в Новороссийской азиатской школе в середине XIX в. (по материалам ГАКК) // Вопросы южнороссийской истории. Вып.12. М.; Армавир, 2006.
18. Тютюнина Е.С. О проекте кабардинской школы 1841 года // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып.1. Пятигорск, 2005.
19. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.
20. АКАК. Т.8. Тифлис, 1881.
21. Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Краснодар, 1998. Репр. изд.
22. Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX вв. Пятигорск, 2006.

23. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993.
24. Юхотников Ф. Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии // Кавказ. 1858. № 100 (21 дек.).

References

1. *Butkov P.G.* Materials for Caucasian New History from 1722 to 1803. St. Petersburg, 1869.
2. *Kidirnijazov D.S.* The Role of Kizljär and Mozdok in the development of economic ties between the peoples of the North Caucasus and Russia in XVIII century // History and culture of the peoples of the North Caucasus. Collection of scientific works. Issue 5. Pyatigorsk, 2006.
3. *Dzanagova L.V.* The History of Founding the Ossetian Spiritual Commission. URL: http://www.ive1875.narod.ru/texts/Other/Ist_os_duh_kom.htm. (Data obrashhenija: 19.08.2015).
4. The city of Mozdok: historical essay. Vladikavkaz, 1995.
5. History of the peoples of the North Caucasus (the end of XVIII century – 1917. M., 1988.
6. Caucasus in the Heart of Russia. Moscow, 2001.
7. *Klychnikova M.V., Klychnikov Ju.Ju.* Entrance of the North Caucasus into the Russian cultural field (1777–1864). Pyatigorsk, 2006.
8. *Pylkov O.S.* The Russian Army in the transformational processes in the North Caucasus (the end of the XVIII – the first half of the XIX centuries. Armavir, 2011.
9. URL: <http://vremjaverit.rf/forums/index.php?/topic/529> (Data obrashhenija: 19.08.2015 g.).
10. *Titorenko M.F., Shkileva O.G.* About Development of the Muslim Education in the North Caucasus in the XIX – at the beginning of the XX centuries // Golosminuvshogo. Krasnodar, 2008. № 3–4.
11. *Bess Zh.Sh.* Travelling to Crimea, the North Caucasus, Georgia, Armenia, Asia Minor, and Constantinople in 1829 and 1830 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820–1840/Bess_Jean. (Data obrashhenija: 28.08.2015).
12. *Klychnikov Ju.Ju.* Adyghe educators – transmitters of the Russian ideas // The questions of the North Caucasian history (scientific collection). Issue 10. Armavir, 2005.
13. Acts of the Caucasian Archeographic Commission (further AKAK). V.7. Tiflis, 1878.
14. AKAK. V.2. Tiflis, 1868.
15. Caucasian calendar for 1853. Tiflis, 1852.
16. *Gerasimenko A., Saneev S.* Novorossiysk – From fortification to a principal city of a province. Krasnodar, 1998.
17. *Pylkov O.S.* About military training of the mountain dwellers at the Novorossiysk Asian School in the middle of the XX century (according GAKK materials) // Questions of the South Russian history. Issue 12. M.; Armavir, 2006.
18. *Tjutjunina E.S.* About the project of the Kabardian School in 1841 // History and Culture of the peoples of the North Caucasus. Collection of the scientific works. Issue 1. Pyatigorsk, 2005.
19. *Klychnikov Ju.Ju.* Russian policy in the North Caucasus (1827–1840). Pyatigorsk, 2002.
20. AKAK. T. 8. Tiflis, 1881.
21. *Popka I.D.* The Black Sea Cossacks in their civil and military everyday life. Essays on the region, society, military force and service in two military units. Krasnodar, 1998. Reprinted edition.
22. *Barnash A.V., Lazarjan S.S.* Essay on the cultural development of the North Caucasian region: the beginning of the XIX – the beginning of the XX centuries. Pyatigorsk, 2006.
23. Екатеринодар – Краснодар. Two centuries of the city in dates, events, memories... Materials for chronicles. Krasnodar, 1993.
24. *Juhotnikov F.* Something about mountain dwellers studying at the Stavropol gymnasium // Kавказ. 1858. № 100 (21 dec.).

УДК 321 (57)

Ю. Ю. КОМЛЯКОВА

ПОЛИТИКА США В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КАЗАХСТАН, КЫРГЫЗСТАН

В статье рассказывается об образовательной политике США по воспитанию в Казахстане и Кыргызстане молодежи, лояльной к США, с целью переориентации населения и установления своего геополитического влияния в регионе. Проводится анализ основных средств внедрения американских программ в образовательное пространство государств Центральной Азии. Рассматриваются некоторые законодательные акты США, а также законодательная база центральноазиатских государств в сфере образования.

Ключевые слова: образование, гуманитарная политика, США, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан.